

УДК 398.22 + 159.94 + 316.422 + 94(470)“1941/1945”
DOI 10.15826/tetm.2020.1-2.007

Александр Викторович Овчинников

Томский государственный университет, Томск, Россия

E-mail: ovchinnikov8_831@mail.ru

Образы «Великой Победы»: реципрокно-редистрибутивные аспекты категорий вины и ответственности

Анализируются возможности изучения связанных с Великой Отечественной войной образов вины и ответственности с помощью методологического инструментария социально-политической антропологии и теории модернизации. Предлагается научное определение термина «Великая Победа», констатируется его мифический и квазирелигиозный характер. Указывается на распространенность мифологемы «Великая Победа» среди населения со значительными пластами архаического мировоззрения и ее инструментальное использование в политико-идеологических целях. Приводятся примеры конструирования образов вины и ответственности в дискурсе характерных для моральной экономики реципрокно-редистрибутивных отношений. Делается прогноз о постепенной рационализации представлений об исторической вине и ответственности, связанной с модернизацией мировоззрения.

Ключевые слова: вина, ответственность, миф, идеология, Великая Отечественная война, реципрокно-редистрибутивные отношения

Благодарности: Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00421.

Для цитирования: Овчинников А. В. Образы «Великой Победы»: реципрокно-редистрибутивные аспекты категорий вины и ответственности // *Tempus et Memoria*. 2020. Т. 1. № 1–2. С. 68–75.

Поступила в редакцию: 31.08.2020

Принята к печати: 30.10.2020

Aleksandr V. Ovchinnikov

Tomsk State University, Tomsk, Russia

Images of the “Great Victory”: Reciprocal-redistributive Aspects of Categories of Guilt and Responsibility

The author analyzes the possibilities of studying images of guilt and responsibility related to the Great Patriotic war using the methodological tools of socio-political anthropology and modernization theory. A scientific definition of the term “Great Victory” is proposed, and its mythical and quasi-religious character is stated. The author indicates the prevalence of the “Great Victory” mythologeme among the population with significant layers of archaic worldview and its instrumental use for political and ideological purposes. Examples of constructing images of guilt

© Овчинников А. В., 2020

and responsibility in the discourse of reciprocal-redistributive relations characteristic of the moral economy are given. The author made a forecast about the gradual rationalization of ideas about historical guilt and responsibility associated with the modernization of the worldview.

Key words: guilt, responsibility, myth, ideology, Great Patriotic war, reciprocal-redistributive relations

For citation: Ovchinnikov, A. V. (2020). Obrazy «Velikoi Pobedy»: retsiprokno-redistributivnye aspekty kategorii viny i otvetstvennosti [Images of the “Great Victory”: Reciprocal-redistributive Aspects of Categories of Guilt and Responsibility]. *Tempus et Memoria*, 1, 1–2, 68–75.

Submitted: 31.08.2020

Accepted: 30.10.2020

Вторая мировая война унесла десятки миллионов жизней, и потому воспоминания о ней, привлекающие все большее внимание исследователей (см., например, [5, 6, 8]), не могут не содержать мотивы исторической вины и ответственности. Первоначально эти проблемы являлись логическим продолжением военной пропаганды воюющих сторон, затем стали важными составляющими политики памяти победителей и побежденных. Как военная пропаганда, так и содержание политики памяти были направлены на конструирование актуальных мифов, которые активно использовались в текущей обстановке для обоснования тех или иных действий властей (а иногда и сами эти практические шаги являлись результатом укорененности мифа).

Созданный усилиями интеллектуальной элиты и деятелей культуры мифический продукт предназначался прежде всего для массового сознания, и потому в нем логично обнаружить архаические мотивы, которые делали вину и ответственность еще более эмоционально насыщенными, создавали примитивный исторический нарратив «объяснения» причин военного столкновения, жестокости врага и, что важно в контексте статьи, причин, по которым бывший враг должен испытывать чувство вины и нести определяемую победителем ответственность.

Вторая мировая и особенно Великая Отечественная война, по сути, являлись столкновением «традиционного и индустриального» миров, когда в таких странах, как Германия и СССР, власть оказалась в руках идеократически настроенных групп, выходцев из непривileгированных и относительно малообразованных слоев населения. Ими был установлен своеобразный «новый теократический режим»,

когда диктатор одновременно являлся и главным «жрецом» укомплектованной обязательными массовыми ритуалами утопической идеологии-религии. Если германская идеология обосновывала захват новых территорий лишь в Восточной Европе, Северной Африке и Передней Азии, то аппетиты советской номенклатуры были более масштабны: как доказывали многочисленные специалисты по классовой борьбе (а ныне знатоки нюансов «столкновения цивилизаций» и прочих культурологических проблем), коммунизм под началом СССР должен был «победить» во всем мире...

«Всеохватывающие» идеологические мифы XX в. схожи с древними и средневековыми религиозными системами, в рамках которых «другому» в картине мира сначала отводилось определенное место, а затем предпринимались все доступные, вплоть до военных, действия по приведению реальности в соответствие с религиозными конструкциями (вспомним, например, обоснование монгольских завоевательных походов). Однако воплощение в жизнь тогдашних «идеологических» фантазий осуществлялось при помощи мечей, сабель, луков и стрел, тогда как идеологические грезы XX в. подкреплялись танками, пушками, снарядами, самолетами, а позже и атомным оружием.

Во время Второй мировой войны наибольшее количество человеческих жертв повлекло за собой столкновения именно между идеократическими режимами, живущее в большинстве своем еще традиционным сознанием население испытало глубокий шок от результатов соединения разрушающей силы современного оружия и современных же квазирелигиозных идеологов. Результатом шока стала обширная психологическая травма, эмоциональный заряд которой, как оказалось позднее, стал активно

использоваться для конструирования травмы исторической у следующих, не воевавших поколений и формирования у них комплексов исторической вины и ответственности.

В современной России эти психологические комплексы стали основой идеологии, которая, как и в предвоенный период, опирается на мировоззрение «глубинного народа» (удачное выражение В. Суркова [3]) и опять «сцепляется» с новейшими достижениями индустриального развития (наглядным примером тому является известное выступление А. А. Проханова в 2014 г. в военно-воздушной части г. Энгельса Саратовской области на фоне способного нести ядерные заряды ракетноносца «Изборск»: *«Произошло слияние машины и человека — то, о чем я мечтал всю свою жизнь, одухотворение машины»*; английские и американские *«летчики в свои окуляры вдруг видят (на самолете. — А. О.) эту надпись: “Изборский клуб”, эту эмблему»*) [1].

Краеугольным камнем современной российской идеологии стала «Великая Победа», сочетающая в себе известные черты мифа: спасение мира от хаоса, установление нового миропорядка и желание во что бы то ни стало его сохранить, несмотря на изменившиеся за 75 лет обстоятельства. Потребителем этого мифа стал упоминавшийся «глубинный народ», и потому конфигурация мифического конструирования должна соответствовать запросам массового сознания, его обыденно-моральному пониманию окружающего мира в синкретическом единстве прошлого, настоящего и будущего. В этом дискурсе категории вины и ответственности играют важнейшее значение, что открывает серьезные научные перспективы их изучения методологическим инструментарием социально-политической антропологии [13, 217–246].

Определимся, что в данной статье «Великая Победа» — это основанный на исторических фактах комплекс исторических, политических, религиозных и общемировоззренческих представлений, выражающихся в практических действиях во внутренней и внешней политике государства и инициативах гражданского общества, материальными носителями которого являются как места памяти (памятники советским солдатам, парки Памяти и т. д.), так и другие источники информации о войне

(книги публицистического и научного характера, документальные и художественные фильмы и т. д.). В 2020 г. в связи с соответствующей поправкой в Конституцию «Великая Победа» приобрела и строго очерченные юридические рамки, что объективно затруднило основанное на научной логике изучение самих событий 1941–1945 гг., но вместе с тем сделало память о них интереснейшим объектом исследований.

Благодаря энергичным и планомерным усилиям государства «Великая Победа» оказалась неотъемлемой частью жизни современных россиян; вернее, граждане Российской Федерации осознают себя россиянами во многом благодаря «Великой Победе». Конструирование общенациональной идентичности — цель вполне рациональная и находится в сфере интересов модернизирующегося государства. Вместе с тем обеспечивающие такую идентичность образы почти повсеместно носят в разной степени мифический, иррациональный характер.

В случае «Великой Победы» категория «миф» означает не фальсификацию истории, а совокупность собранных для определенных политических нужд фактов, и если в этот фактологический ряд «вкрапляется» размывающая общий каркас информация, то ожидаемый политический эффект оказывается минимальным, и потому распространение нежелательной информации государством обычно «купируется». Действительно, с политической точки зрения конструирующие общенациональную идентичность образы «должны» обладать значительной иррациональной «архетипической» составляющей, в противном случае стремление к логической непротиворечивости может стать поводом для бесконечных дискуссий и их неприятия обывателем, которому «некогда разбираться, кто прав, а кто виноват» (см. опыт 1990-х гг.).

В процессе научного анализа коммеморативного аспекта «Великой Победы» очень важно не отождествлять объект и методологию исследования, иначе место методологических оснований могут занять наборы ситуативных установок, которые будут «подтверждаться» специально отобранным эмпирическим материалом (примером такого подхода может служить монография авторов из Казани о якобы

научных основах развития патриотизма в вузах: в первой части вместо обстоятельного разбора методологии содержатся рассуждения о том, «что есть Россия?», о «характерных чертах русской ментальности», «духовной безопасности», т. е. обо всем том, что и является содержанием мифа; в следующей части издания проблема рассматривается в идеологическом измерении, здесь присутствует подраздел «Бои после Победы»; в заключительной части представлены технологии практического развития патриотизма в вузовской среде) (7, 3, 4).

«Великую Победу» продуктивно изучать в рамках модернизационного подхода (популярный ныне в России так называемый «цивилизационный подход» содержит в себе многочисленные неверифицируемые составляющие [19, 96], и потому в контексте статьи он сам должен стать объектом изучения, что, в силу возможностей автора, будет продемонстрировано ниже).

В координатах теории модернизации [16, 217–246] «Великая Победа» иррациональными способами обеспечивает мобилизацию российского социума для решения задач дальнейшего догоняющего развития. Примеры современных развитых стран, особенно прошедших стадии корпоративного государственно-монополистического капитализма, свидетельствуют о том, что в подобных идеологиях значительную роль играют домодерные архетипические образы. Эпоха модерна совпадает с секуляризацией и приходом на политическую арену социальных групп, которые до этого не имели политического голоса и осмысливали окружающий мир категориями «низкой» «народной» культуры. Именно эти страты населения были «потребителями» (нео)языческих по своему характеру идеологий, в которых определяющую роль играли стоящие над человеком высшие силы (что типично для так называемой «традиционной культуры»). В российском случае такой сакральной силой стал олицетворяемый государством явно архетипический образ «Родины-матери», «Отечества».

В современной России сложился синкретический (нео)языческий культ государства, в который на правах подчиненных религиозно-политических учений включены «традиционные религии» [14, 354, 355]. Одним из наиболее значимых воплощений этого культа

является «Великая Победа» [4]. Исследователи не раз отмечали связанные с культом предков религиозные (нео)языческие коннотации «Бессмертного полка» [2, 98]. Циклически повторяющиеся из года в год и связанные с памятью о войне календарные ритуалы по сакральной наполняемости и организации напоминают циклы христианских праздников. «Священный» характер войны и памяти о ней активно пропагандируется современными идеологами, выражающими не свое личное, а некое коллективное мнение («...для нас — Советского Союза, всего народа и каждой семьи — война была не только Отечественной, но и священной. Ни одну войну в России не называли Священной. Такое восприятие нашествия мирового фашизма вылилось в форму выполнения каждым своего сакрального долга. Вот что стало источником духа выдержки, терпения и Победы армии и тыла, народа и страны») [18, 9]. Для «Великой Победы» характерна типичная религиозная проблема соотношения веры и разума (показательно отношение министра культуры РФ В. Р. Мединского к сомнениям профессионального историка в реальности «подвига 28 героев-панфиловцев» и его призыв относиться к их биографиям как к «житиям святых») [10]. (Нео)языческие аспекты «Великой Победы» позволяют изучить связанные с ней проблемы представлений о вине и ответственности в заявленных выше методологических рамках социально-политической антропологии.

(Нео)языческие культы структурируют окружающий мир согласно законам так называемой «моральной» или «крестьянской» экономики. Экономические, политические, социальные, семейные, религиозные и другие аспекты, как и в «Великой Победе», здесь разделить невозможно, они синкретически слиты воедино (вспомним известное утверждение, что «война ворвалась в каждый дом, коснулась каждой семьи»). Для такого типа отношений характерны коллективная собственность и неотделимость человека от той общности, в которой он проживает. Для коллективного типа собственности характерны не рыночные (частнособственнические), а дарительные (реципрокные) и перераспределительные (редистрибутивные) отношения [9, 134–285; 12; 17, 68 и т. д.]. Сам факт рождения человека в таком социуме означал, что все его члены

должны заботиться о нем, тем самым преподнося дар, который, в свою очередь, персонифицировался с высшими силами. Этот алгоритм воспроизведен в образе «Родины-матери», а так как за подарком всегда следует отдарок, то человек автоматически обязывается действовать во благо своей Родины. На Востоке этот негласный, но осознаваемый всеми моральный договор обычно воплощался в таких отдарках, как обязательные мобилизационные общественные работы и участие в воинских формированиях на стороне правителя. Нежелание предоставлять отдарок грозило нарушением гармонии между объединенными в некую общность людьми и высшими силами, что обуславливало коллективное осуждение и легитимизировало насилие в отношении «неблагодарного». На таких же основаниях в системе «Великой Победы» построено отношение к вине коллаборационистов. Их вина состоит не просто в нелояльности к действующему политическому режиму, а в желании (пусть часто ими и неосознаваемом) разрушить гармоничный миропорядок, в котором нет места вторгшемуся врагу. Поэтому и ответственность за переход на вражескую сторону «должна быть» максимальной, так как перешедшие, нарушив множество моральных обязательств, оказались неблагодарными.

В традиционных обществах практики принесения жертв и чтения молитв были основаны на реципрокно-редистрибутивных принципах. Высшие силы получали дар и были обязаны исполнять обращенные к ним просьбы, т. е. распределять среди смертных земные блага. Отсутствие реакции сакральных сил могло спровоцировать избиение «виновных» идолов, падение доверия к своим «провинившимся» богам и переключение внимания на чужих богов. Риторика о «напрасных жертвах» в Великую Отечественную, о вине за это государства и его ответственности, актуализация темы об оказавшихся никому не нужными инвалидах войны, на шумевшая история с журналистским опросом о целесообразности сдачи Ленинграда, обращение в качестве положительного примера к опыту союзников грозит именно такими последствиями, что, видимо, на интуитивном уровне понимают власти и чему всеми доступными средствами оказывают противодействие. Это затрудняет научный

анализ ответственности советских властей за преступления против контролируемого ими в годы войны населения. Например, основанная на исследованиях феномена советской номенклатуры и реальных фактах гипотеза о желании властей в ходе кровопролитной битвы за Москву защитить и свои подмосковные дачи и, собственно, город, вряд ли найдет сторонников в отечественной академической сфере и вряд ли будет транслироваться в массовое сознание. Синкретическое восприятие государства и общества объединяет образы властей и Родины, делает власти потенциально непогрешимыми «кормильцами» и «защитниками», критика которых даже сегодня переводит критикующих в разряд «современных власовцев от науки».

«Великая Победа» рисует перед обывателем эпическую картину преодоления хаоса и упорядочивания мира, а гарантом стабильности сложившегося ценою таких огромных жертв космического порядка позиционируется государство, что снимает с него ответственность за возможные напрасные жертвы (*«нам нужна одна Победа, мы за ценой не постоим»*, Б. Окуджава). Монополия государства на «Великую Победу» затрудняет развитие демократии в современной России, так как делает реальную оппозицию морально нелегитимной: здоровой политической конкуренции и дискуссии противопоставляются архаичные обвинения в нарушении принципов дарообмена с предками, даровавшими новым поколениям жизнь ценою своей.

В дискурсе мировой политики, точнее официально транслируемых идеологических представлений о ней, реципрокно-редистрибутивные аспекты «Великой Победы» сводятся к констатации спасения мира от фашистской угрозы ценой огромных жертв и ожидания конкретных уступок-отдарков от спасенных. Декларируемое отсутствие таких отдарков и соответственно возможностей конвертировать их в распределяемые блага позволяет сформировать в массовом сознании мифологему о «неблагодарности» союзников и освобожденных Красной армией стран Восточной Европы. Мотив «вины неблагодарных» активно используется во внешнеполитических целях. Основанные на моральной экономике идеологемы «Великой Победы» вступают

в противоречие с «западным» (рациональным и частнособственническим) пониманием прошлого и настоящего окружающего мира, что еще более усугубляет негативные последствия так называемых «войн памяти». Это противоречие законодательно закрепилося в 2020 г. с принятием поправки в статью 67 Конституции: *«Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается»* [11]. Исходя из этого текста, ответственность за «неправдивую трактовку» событий Великой Отечественной устанавливается с позиций моральной экономики, а вина конструируется в форме неблагодарности перед предками и сакральными коллективными телами «народ» и «Отечество».

Архаизации связанных с Великой Победой представлений об исторической вине и ответственности способствует широкое распространение так называемого «цивилизационного подхода», в дискурсе которого основными субъектами прошлого и настоящего оказываются коллективные личности — «цивилизации». На деле образ «цивилизации» часто отождествляется с образами «народа», «Родины» и «Отечества», что «консервирует» вину и ответственность на долгое время и «приписывает» их людям, лично не знакомым, не совершившим в своей жизни ничего плохого, но вовлекаемым через исторический нарратив в эпическое «межцивилизационное» противостояние. Иными словами, цивилизационный подход предоставляет желающим удобный инструмент для упорядочивания реальности в нужном эмоционально заданном векторе с последующим выстраиванием символических границ и конструированием ситуации конфликта между «цивилизациями». Огромный информационный поток вырабатывает у обывателя, с одной стороны, «комплекс превосходства» над «Западом» («западной цивилизацией»),

как виновным в «неблагодарности» за спасение от верной гибели от фашизма, с другой — еще более усугубляет длящийся десятилетиями травматический шок от факта смерти на войне десятков миллионов человек. Ставший знаменитым слоган «Можем повторить» свидетельствует об определенном успехе усилий по конструированию мифа о непрерывной войне России с «Западом», в которой Великая Отечественная была лишь отдельным ярким эпизодом («горячей войной», в отличие от идущей сегодня «второй холодной»).

Выше отмечалось, что комплекс «Великой Победы» в том виде, в котором он сегодня репрезентуется, оказывает значительное влияние на те категории населения, в мировоззрении представителей которых сильны архаические пласты. Это часто коррелирует с соответствующим уровнем образования, работой в бюджетных учреждениях («постобщинах» [15]), коллективистским мировоззрением и т. д. Данные социальные группы количественно составляют большинство населения России и в организационно-исполнительном аспекте, безусловно, обеспечивают успешность многих государственных модернизационных мегапроектов. Однако в качественном отношении локомотивом модернизации являются образованные горожане, стремящиеся работать в частном секторе. В этой социальной среде имеется заказ на преобладание в конструкциях «Великой Победы» рациональных аспектов, в выведении ее за пределы (нео)языческого культа с иррациональными коннотациями вины и ответственности и контролируемые государством моральными обязательствами человека перед предками. Основанием подобных настроений, безусловно, является частнособственническая составляющая. Скорее всего именно данный социальный запрос будет определять вектор эволюции «Великой Победы» в будущем и изменения массовых представлений об исторической вине и ответственности.

Список литературы

1. Александр Проханов о визите в Энгельс: «Для меня это миг торжества», 19.08.2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vzsar.ru/news/2014/08/19/aleksandr-prohanov-o-vizite-v-engels--dlya-menya-eto-mig-torzhestva.html> (дата обращения: 01.10.2020).
2. Война как праздник, праздник как война: перформативная коммеморация Дня Победы / А. С. Архипова, Д. Ю. Доронин, А. А. Кирзюк, Д. А. Радченко, А. Д. Соколова, А. С. Титков, Е. Ф. Югай // Антропологический форум. 2017. № 33. С. 84–122.
3. Владислав Сурков: Долгое государство Путина (О том, что здесь вообще происходит), 11.02.2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html (дата обращения: 01.10.2020).
4. Восставшие мертвецы 2.0. Историк Галина Аккерман — о культе Победы и победе нового язычества в России. 20.01.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://mnews.world/ru/vosstavshie-mertvetsy-2-0-istorik-galina-akkerman-o-kulte-pobedy-i-pobede-novogo-yazychestva-v-rossii/?fbclid=IwAR1fLiM1vaM4Eh8F7JA-Hr6DFxAOjYzoH-JNiONE-GT1gYgv0Z346cn1VO0> (дата обращения: 01.10.2020).
5. Головашина О. В., Аникин Д. А. Неожиданные издержки победы: 4 ноября в контексте политики памяти и массового исторического сознания // Вестн. Том. гос. ун-та. 2018. № 4. С. 66–73.
6. Головашина О. В., Линченко А. А., Аникин Д. А. Память о Великой Отечественной войне: День Победы в историческом сознании россиян // Социол. исслед. 2017. № 3. С. 123–133.
7. Курашов В. И., Тузиков А. Р., Зиннурова Р. И. Научные основы развития патриотизма в современной высшей школе России. Казань : Изд-во КНИТУ, 2015.
8. Макарова Л. В. Великая Отечественная: что остается в личной памяти? // Социол. исслед. 2015. № 11. С. 107–114.
9. Мосс М. Общества. Обмен. Личность // Труды по социальной антропологии. М. : КДУ, 2011.
10. Мединский сравнил 28 панфиловцев со «святыми». 26.11.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/society/26/11/2016/5839b8d39a794770ed6331f4> (дата обращения: 01.10.2020).
11. Новый текст Конституции РФ с поправками 2020 [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/> (дата обращения: 01.10.2020).
12. Неформальная экономика: Россия и мир / под ред. Т. Шанина. М. : ЛОГОС, 1999.
13. Овчинников А. В. Историческая ответственность и моральная экономика: архаические смыслы в ситуациях постмодерна // Философские контексты современности: принцип ratio и его пределы. ФИКОС 2020. Ижевск : Изд. центр «Удмуртский университет», 2020. С. 176–180.
14. Овчинников А. В. Корпоративный ислам в парадигме модернизации (опыт Татарстана) // Тр. IV Конгр. рос. исследователей религии. Религия как фактор взаимодействия цивилизаций : сб. докл. / под ред. А. П. Забияко и др. Благовещенск : Изд-во Амур. гос. ун-та, 2018. С. 354–362.
15. Овчинников А. В. Постобщина как фактор «корпоративистской» модернизации (институциональный аспект) // Новые институты для новой экономики : сб. материалов XII Международ. науч. конф. по институциональной экономике, 25–29 апреля 2018 г. Казань : Изд-во «Познание», 2018. С. 272–280.
16. Побережников И. В. Теория модернизации: основные этапы эволюции // Проблемы истории России. Вып. 4 : Евразийское пограничье. Екатеринбург : Волот, 2001. С. 217–246.
17. Полань К. Экономика как институционально оформленный процесс // Эконом. социология. 2002. Т. 3, № 2. С. 62–73.
18. Тагиров Э. Р. По ком звонит Колокол Истории? Размышления о Великой, неоконченной войне. Казань : Центр инновацион. технологий, 2020.
19. Шнирельман В. А. Цивилизационный подход как национальная идея // Национализм в мировой истории / под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана. М. : Наука, 2007. С. 82–104.

References

1. Aleksandr Prokhanov o vizite v Engel's: «Dlya menya eto mig torzhestva», 19.08.2014. URL: <https://www.vzsar.ru/news/2014/08/19/aleksandr-prohanov-o-vizite-v-engels--dlya-menya-eto-mig-torzhestva.html> (mode of access: 01.10.2020).
2. Arkhipova, A. S., Doronin, D. Yu., Kirzyuk, A. A., Radchenko, D. A., Sokolova, A. D., Titkov, A. S., Yugai, E. F. (2017). Voina kak prazdnik, prazdnik kak voina: performativnaya kommemoratsiya Dnya Pobedy [War as a holiday, holiday as a war: performative commemoration of Victory Day]. *Antropologicheskii forum*, 33, 84–122.
3. Vladislav Surkov: Dolgoe gosudarstvo Putina (O tom, chto zdes' voobshche proiskhodit), 11.02.2019 [Elektronnyi resurs]: https://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html (mode of access: 01.10.2020).
4. Vosstavshie mertvetsy 2.0. Istorik Galina Akkerman — o kul'te Pobedy i pobede novogo yazychestva v Rossii, 20.01.2020. URL: <https://mnews.world/ru/vosstavshie-mertvetsy-2-0-istorik-galina-akkerman-o-kulte-pobedy-i-pobede-novogo-yazychestva-v-rossii/?fbclid=IwAR1fLiM1vaM4Eh8F7JA-Hr6DFxAOjYzoH-JNiONE-GT1gYgv0Z346cn1VO0> (mode of access: 01.10.2020).
5. Golovashina, O. V., Anikin, D. A. (2018). Neozhidannye izderzhki pobedy: 4 noyabrya v kontekste politiki pamyati i massovogo istoricheskogo soznaniya [Unexpected costs of victory: November 4 in the context of the politics of memory and mass historical consciousness]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4, 66–73.
6. Golovashina, O. V., Linchenko, A. A., Anikin, D. A. (2017). Pamyat' o Velikoi Otechestvennoi voine: Den' Pobedy v istoricheskom soznanii rossiyan [Memory of the great Patriotic war: Victory Day in the historical consciousness of Russians]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 3, 123–133.

7. Kurashov, V. I., Tuzikov, A. R., Zinnurova, R. I. (2015). *Nauchnye osnovy razvitiya patriotizma v sovremennoi vysshei shkole Rossii* [Scientific foundations of the development of patriotism in modern higher education in Russia]. Kazan': Izd-vo KNITU.
8. Makarova, L. V. (2015). Velikaya Otechestvennaya: chto ostaetsya v lichnoi pamyati? [Great Patriotic War: what remains in your personal memory?]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 11, 107–114.
9. Moss, M. (2011). *Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po sotsial'noi antropologii* [Societies. Exchange. Personality. Works on social anthropology]. M.: KDU.
10. Medinskii sravnil 28 panfilovtsev so «svyatymi», 26.11.2016. URL: <https://www.rbc.ru/society/26/11/2016/5839b8d39a794770ed6331f4>. (mode of access: 01.10.2020).
11. Novyi tekst Konstitutsii RF s popravkami 2020. URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/> (mode of access: 01.10.2020).
12. Shanina, T. (ed.) (1999). *Neformal'naya ekonomika: Rossiya i mir* [The informal economy: Russia and the world]. M.: LOGOS.
13. Ovchinnikov, A. V. (2020). Istoricheskaya otvetstvennost' i moral'naya ekonomika: arkhaiskie smysly v situatsiyakh postmoderna [Historical responsibility and the moral economy: the archaic meanings in situations of post-modernism]. In *Filosofskie konteksty sovremennosti: printsip ratio i ego predely. FIKOS 2020*, 176–180. Izhevsk: Izd. tsentr «Udmurtskii universitet».
14. Ovchinnikov, A. V. (2018). Korporativnyi islam v paradigme modernizatsii (opyt Tatarstana) [Corporate Islam in the paradigm of modernization (the experience of Tatarstan)]. In A. P. Zabyako (ed.) *Trudy IV Kongressa rossiiskikh issledovatelei religii. Religiya kak faktor vzaimodeistviya tsivilizatsii: sbornik dokladov*, 354–362. Blagoveshchensk: Izd-vo Amurskogo gosudarstvennogo universiteta.
15. Ovchinnikov, A. V. (2018). Postobshchina kak faktor «korporativistskoi» modernizatsii (institutsional'nyi aspekt) [Post-community as a factor of “corporatist” modernization (institutional aspect)]. In *Novye instituty dlya novoi ekonomiki: sbornik materialov XII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po institutsional'noi ekonomike*, 25–29 aprelya 2018 g., 272–280. Kazan': Izd-vo «Poznanie» Kazanskogo innovatsionnogo universiteta.
16. Poberezhnikov, I. V. (2001). *Teoriya modernizatsii: osnovnye etapy evolyutsii* In *Problemy istorii Rossii* [Modernization theory: main stages of evolution]. (Vol. 4: Evraziiskoe pogranič'ye, 217–246). Ekaterinburg: Volot.
17. Polan'i, K. (2002). Ekonomika kak institutsional'no oformlennyy protsess [Economics as an institutionalized process]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 3, 2, 62–73.
18. Tagirov, E. R. (2020). *Po kom zvonit Kolokol Istorii? Razmyshleniya o Velikoi, neokonchennoi voine* [For whom does the bell of History ring? Reflections on the great, unfinished war]. Kazan': Tsentr innovatsionnykh tekhnologii.
19. Shnirel'man, V. A. (2007). Tsivilizatsionnyi podkhod kak natsional'naya ideya [Civilizational approach as a national idea]. In V. A. Tishkov, V. A. Shnirel'man (eds.), *Natsionalizm v mirovoi istorii*, 82–104. M.: Nauka.

Сведения об авторе

Овчинников Александр Викторович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории трансдисциплинарных исследований познания, языка и социальных практик философского факультета Томского государственного университета, г. Томск, Российская Федерация

Information about the author

Alexandr V. Ovchinnikov, Cand. Hist. (Eng.), Research associate of the Laboratory of Interdisciplinary Studies of Cognition, Language and Social Practices of the Faculty of Philosophy, Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation